

ИЛЬЯ БОНДАРЕНКО

18+

18+

ЛЕКАРСТВО

ДЛЯ МАШИ

Илья Бондаренко
Лекарство для Маши

«Издательские решения»

Бондаренко И.

Лекарство для Маши / И. Бондаренко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-909321-9

Книга «Лекарство для Маши» это конфликт с жизнью, с реальностью, с местом и временем. Смешные, шокирующие, иногда трогательные и нелепые ситуации сопровождают героя всю первую половину книги, втягивая читателя в прекрасный мир ужаса и абсурда. Но внезапно ракурс и стиль произведения меняются. Герой попадает в самое сердце этого ужаса, где ему предстоит столкнуться лицом к лицу со своим главным врагом. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-909321-9

© Бондаренко И.
© Издательские решения

Содержание

Первая часть	6
Легкомысленное путешествие	6
Приготовления к отъезду	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Лекарство для Маши

Илья Бондаренко

Редактор Нари Ади-Карана

Иллюстратор Илья Бондаренко

Дизайнер обложки Мария Бондаренко

Корректор Татьяна Краснова

© Илья Бондаренко, 2023

© Илья Бондаренко, иллюстрации, 2023

© Мария Бондаренко, дизайн обложки, 2023

ISBN 978-5-4490-9321-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Первая часть

Легкомысленное путешествие

Сиддхартха спросил: «Можно ли обрести спокойствие в этом мире горя и страданий? Я подавлен пустотой земных удовольствий, и всякая чувственность мне ненавистна. Все угнетает меня, и само существование кажется невыносимым».

Америка... Как много в этом звуке...

Но для того, чтобы быть нищим, не обязательно уезжать, устраиваться на работу посудомойщиком, покупать старый «кадиллак». И вообще, зачем разочаровываться в нескольких государствах сразу? Это вряд ли даст большой диапазон эмоций: удовольствие от разочарования, жизнь благодаря разочарованию.

Сейчас 8:30, а я уже в больнице. Возня на парковке. Деревья – немые наблюдатели, – вазоны из автомобильных шин, чей-то памятник, дорожки, ведущие к разным корпусам, ступеньки в зигзагах трещин, снова деревья, небо. Пожалуй, все... Лор-отделение тульской городской больницы им. Ванькина. Здание как здание, вот-вот рухнет, но простоит еще лет четырех. Персонал... У двери кабинета толстая помощница врача – «медсестра» – орет на мою жену Машу, выясняя причину обращения. За что-то отчитала, вырвала из рук направление, хлопнула дверью – нормальный бесплатный сервис. Пожалуй, выйду на улицу.

Мы не познакомились? Меня зовут Илья. Имя это раздражает меня с самого детства, – скользкое, бессильное, как кисель, как говно. Сказав «Илья», хочется немедленно начать оправдываться. И перед глазами проходят стройные ряды моих неудач.

Первые воспоминания – Азовское море, то есть это теперь оно Азовское, а тогда – «Море». Я плачу пока фотограф делает мой снимок на пластмассовой лошади. Почему я плачу? Да кто меня знает! Повсюду песок и ракушки, сверху пейзаж обнимает небесная синева юга. На севере – небесная синева севера. Я плачу, потому что не хочу родиться, но ведь я уже родился... – Ах, не плачь малыш, – успокаиваю я себя на фотографии, – не плачь, все будет хорошо.

После вспоминается детский сад. Меня волокут туда насильно... Восемь лет назад я работал в Москве, и каждый день возле нашего дома на Анненской улице проходила бабка, теща за собой на поводке упирающуюся собаку. Собака фактически сидела, а бабка, изо всех сил, дергала за поводок двумя руками, таким образом, животное перемещалось. Меня тоже водила в сад бабка. Таскала-дергала. В садике моим постоянным местом был стульчик в углу возле пианино. Я сидел там грустный, как неотправленное письмо и смотрел на Них.

Это Они устроены по-другому, или это я не такой? Это ужасно или хорошо? Страшно или удовлетворительно?

А пианино такое красивое, коричневое, полированное, наверное, волшебное, вот бы поиграть.... Я смотрю из глубины детских глаз, и маленькое мое тело не может понять то, что происходит вовне. – Это мир, физический мир, ты привыкнешь, – утешаю я себя через тридцать лет. Теперь я сижу на заднем сиденье своей старой «тойоты» в угрюмом созерцании автопарковки через запыленное окно. Как много машин!.. Наверное, все заболели, вся улица Первомайская, весь город, целый мир.

Если повернуть голову на сто семьдесят градусов, она, вероятно, оторвется, а если нет, то можно будет увидеть магазины дверей и мебели, аптеку, какие-то фирмы и супермагазин

еды. Мир контактирует со мной через эти магазины и фирмы, они его осязательный орган. Мир говорит:

– Хватит тебе, Илья, сидеть у жены на шее, иди-ка ты работать!

– Кто? Я? А впрочем, я и сам все понимаю. Аптека «От склада», магазин «Всё в дом», «Одежда», где всегда большие скидки, – у тебя хороший выбор, Мир, – честный выбор. Но что-то до сих пор останавливает меня. Я сомневаюсь, я еще не решил окончательно, хочу ли быть. Может, мне вовсе и не надо...

– Надо, – отвечает Мир, – не спрашивай, Илья, «зачем», не засерай голову, просто будь и все.

– Хорошо, я согласен, я люблю жизнь. Когда солнце видно люблю. Сидишь во дворе на разбросанных досках, со всех сторон жужжание, запахи от земли, цветов... Тени накренившихся заборов такие контрастные, а солнце отвесно прожигает голову. Его раскаленный луч пикирует на волосы, кожу, под кожу... согревает и как бы говорит: «Я вас всех люблю, и на всех меня хватит, ну а если не хватит, так это вы сами виноваты». А ты сидишь и думаешь, – я меньше чем говно, в сравнении с Солнцем.

Стыдно признаваться, но я пишу стихи. Это такая проза, где все предложения с красной строки, а мысль сжата во времени. На самом деле писать все предложения с красной строки как-то подозрительно. Этим занимаются садовники, сварщики и сталевары.

«А сейчас выступит поэт Такой-то!» – и после аплодисментов трех-четырех рук, встает сталевар и начинает вещать дрожащим голосом про то, как он чего-то там не может. Поэтом может стать практически любой человек. Главное условие, – чтоб он не был знаком с классикой. Иначе ничего не получится.

Больница Ванькина раньше называлась – им. Семашко, – по фамилии врача выдумавшего советское здравоохранение. Да ее и сейчас все так называют. Если сказать таксисту: «В Ванькина», его глаза выразят недоумение. Зато, если произнести: «В Семашко», он моментально заскучает.

Кстати сказать, неспроста классические писатели так внимательно относились к фамилиям, наделяя ими своих Коробочек, Безуховых и Держиморд. Фамилия это – якорь человека и корабля. Например, главврач в Ванькина носит скорбную фамилию Могильников.

Однажды один мой друг (это странно звучит, когда он и есть всего один), в разгаре юности своей беспечной ударился головой об дорогу, и получилось сотрясение мозгов. Пришел он в Семашко и увидел, что вновь поступившие люди лежат повсюду, – в коридоре, на каталках.

Стали его оформлять (тоже положить хотели). А он глядит, – медсестры за неимением бумаги, прямо на больных пишут ручкой, и передумал лечиться. Пошел домой и лег. И лежал, пока не выздоровели мозги.

Едва слышу отсюда хлопанье и побрякивание дверей магазинов, немногие голоса птиц и отдаленное человеческое щебетание.

О чем это? А, я знаю о чем, – если ничего не болит, то темы могут быть только две: работа и отдых, включающий в себя примитивные (буквально сколоченные из четырех досок) наслаждения. Наслаждения. Наслаждаться. Насладиться. Так почти не говорят. Зато все хотят. Жажнут. Желают. Алчут.

Абсолютное большинство окружающих людей – работает. Хочется крикнуть: «Товарищи окружающие, сердечное всем спасибо, можете расходиться по домам!». А вдруг это и есть их работа – окружать меня? Тогда тем более, – «Вы все уволены!». Сейчас я открою дверь и дико прокричу эти слова. Необходимо. Как выдох. «Я не виноват в торжестве тоталитаризма, я не виноват, простите меня!». Еще один вдох... Скучно? Ну конечно, им просто скучно и все. Скучно не работать. Служа, они могут реализоваться. А нет, так хотя бы заработать денег.

Что такое деньги? Я много раз пытался ответить себе на этот вопрос. В конце концов, решив, что деньги – это такие маленькие круглые монетки. Они нужны с горя, как компенсация неудавшейся жизни. С их помощью можно переехать в центр, чтоб поближе к работе; купить машину, чтоб до работы добираться; приодеться, чтоб было в чем на работу ходить; купить дачу, чтоб от работы отдыхать. Черт с ней, с реализацией, главное – это дети! И как хорошо, что на даче есть высокий зеленый забор, автоматические ворота, двухэтажная собака, мангал под навесом, электрический диван с регулировками, подстриженная лужайка с декоративными горными соснами, искусственный водоем, деревянная, еще пахнущая смолой лестница в мансарду, где под двускатной крышей хранится велосипед, на котором можно лететь как в детстве, поднимая пыль на проселочной дороге, раздражая местных шавок, и, когда позади окажутся два последних коричневых сруба, скатиться по крутому склону, заросшему дикой клубникой, проскочить между молодых дубков и резко затормозить у самой кромки воды. «Речка. Я давно хотел тебе признаться, я люблю тебя... Прости... Люблю... Прости»...

И, кстати, – осталось даже немного денег на разведение кроликов.

Кролики. Как серьезно не произноси это слово, все равно получается по-дурацки. А представь себе одного из них, с глупым лицом и прижатыми большими ушами так внутри сразу оттаивает человек.

Сложно когда ты сумасшедший и тебе хочется жить не зря. Жизнь как таковая не является ценностью, она лишь олицетворяет факт существования и все. Ценность ей навязываем мы, своей субъективной не бесполезностью. Но как выпестовать эту субъективную не бесполезность, если все, на что мы ни поглядим бесполезно? Когда-то на биологии в школе мы проходили энергообмен, точнее обмен веществ. Ласточка съела муху, и сама случайно свалилась с дерева в траву, где ее сожрала лиса; лиса подохла и ее сожрали шакалы; шакалы испражнились и муха съела говно; ласточка снова сожрала муху и нет конца той карточной игре. Добро пожаловать в человеческое общество! Мы давно уже не жрем себе подобных. Вместо этого мы обмениваемся энергией, выбалтывая ее друг другу. Где нет опять-таки конца словам. А вот бы хоть раз обменять энергию на что-нибудь стоящее. Но несчастному человеку до сих пор, так же как и тварям бессловесным, приходится соревноваться с другими представителями общества в ненужности. Мне, например, все время звонят какие-то люди, предлагая банковские услуги, или брокерские, или рекламные.

Можно вас... как там... отвлечь?... спросить? нет, как они это говорят? ...можно или нельзя? Обычно я отвечаю, что очень занят, – пардонте, месье нихт ферштейн!

Я не желаю им ничего такого, и все же, хотелось бы посмотреть на умирающего человека, который звонит со смертного ложа и предлагает лучшие условия по кредиту.

Смерть довольно своеобразное мерило зарплаты. Пикантное. Незабываемое. Все, что нами зарабатывается – зарабатывается для нее.

Конечно же я перегибаю, передергиваю и передергиваюсь сам, – не все из того что производят люди – бесполезно. Пластиковые окна, например, удивительно полезны. У нас дома они стоят чуть ли не в каждой комнате и это омерзительно удобно. – Можно в любой момент распахнуть окно и что есть мочи завопить, а вокруг тьма, и никого, ни одного человечка на Земле, лишь звездное-звездное небо.

– А это Сириус, – объясняет возникший из воздуха пьяный человек, водя рукой по окну. Это – Северная звезда, он оттесняет меня и тоже высовывает голову и выдыхает пар. – Тут когда-то была Белая и Пушистая Медведица. А это Звезда Героя Социалистического Труда. Я вытягиваю шею и пытаюсь выть, и этот второй подвывает мне хриплым баритоном, переходящим в бессильный фальцет.

«Забудь про смерть, помни про пластиковые окна!» – Как это на латыни?

Скоро моя жена выйдет от врача, я переберусь на водительское кресло и мы наконец-то поедем домой.

Я не очень хорошо вожу машину. Нормально, но не виртуозно. Права мне дали когда-то просто так, за компанию с остальными. Да, в общем, и «остальным» тоже за компанию с остальными. Инструктор был постоянно чем-то занят и семьдесят процентов практических занятий не состоялись. В город я выезжал всего один раз, – за два дня до экзамена. Все остальное время практики – крутился на полигоне во дворе ПТУшной шараги. Задом, боком, по диагонали... Пока я рассекал там на сорока квадратных метрах, автогуру сидел с мужиками в гараже неподалеку. Не знаю, что они там делали. Надеюсь, вели себя пристойно.

Когда обучение торжественно закончилось, к нам на выпуск приехал делегат из ГАИ. Инструктор незамедлительно вымыл его служебный автомобиль. Права получили все. Кроме двух человек. Но и им потом тоже дали.

Мне было тогда девятнадцать лет. Стыдно вспоминать свою глупую неопытность и неопытную глупость. Многие говорят, что позор страшнее смерти. Но глупость – хуже позора. Позор, по-моему, это вообще нормально. Давно заметил что как только начинаешь выпендриваться, ситуация оборачивается позором. Я привык к нему и почти уже его не замечаю, поскольку выпендриваюсь с момента своего рождения. С рождения потому, что родился 29 февраля.

Едва ли я мог сам выбирать день родов, но если б мог, выбрал бы этот день.

В школу меня отдавали по принципу «ближе к дому». Местный урожай детей моего созыва, или как там его обозвать, как две капли денатурата походил на своих родителей-аборигенов.

Сначала все было страшно, потом плохо, потом хуже некуда, а потом я устал...

Когда девятый класс, наконец, закончился, случилась одна дурацкая история. Дело в том, что все последние годы я чинно ходил в эту школу на улице Грибоедова во столько, во сколько прозвенит будильник. Участвовал в собственном образовательном процессе, балансируя между тем, чтоб ничему не научиться, и чтобы не остаться на второй год. А на самый последний, самый ответственный экзамен я проспал. Проспал как... Не знаю даже как кто. Только когда проснулся, понял, что случилось какая-то фигня. Нелепица. Казус. Поначалу я вообще решил не ходить, но за мной прислали одноклассника, и я-таки присутствовал на экзамене, хоть и с двухчасовым опозданием.

Мы писали изложение по русскому языку. На все мероприятие (или лучше сказать операцию?) было отведено порядка трех часов. Я, расколотый и расстроенный, сел за последнюю парту. Окружение перешептывалось и посмеивалось, озираясь назад. Кто-то из учителей в очередной раз зачитал текст. В классе приятно пахло крашеными партами. Они источают особый запах, когда на них попадает из окон солнечный свет. В его лучах кувыркаются крошечные существа, а за четырьмя окнами, глядящими в школьный двор, дышат кусты жасмина и цветут прозрачные небеса. Узкая асфальтовая дорожка спускается от школы к остановке, от остановки – к железнодорожной станции, оттуда – к речке. Какой-то мужик встал на корячки и с маленького деревянного мостика черпает воду ведром. Он смотрит на меня, а я на него. На берегу видны старые разноцветные дома, все они словно выпали у бога из кармана и проросли дымом из труб. – Ведро пиздить не рекомендуется, – говорит мужик, приматывая его веревкой, к перильцам. После он еще какое-то время озирается и уходит наверх к домикам.

Я смело писал изложение, ломая строки, перемещая сюжетные фрагменты. В какой-то момент я увлекся этим процессом и успокоился. В конце концов, было наплевать на этот экзамен и на эту школу и на учителей, и на казенщину, которой все это проформалинено.

Моя стабильная оценка по всем предметам – тройка, на нее были запрограммированы учителя. Хотя вру, – по географии у меня каким-то чудом вышло четыре. Но тот, кто заполнял аттестат – ошибся, написав три и по географии. А поскольку бланк этот – номерной, и стоит, понятное дело, дороже, чем вся моя жизнь, менять его не стали, зато пообещали взамен составить хорошее резюме для поступления куда-то там.

А кстати, куда?

Оказалось, что выбор надо делать сразу, вот уже сейчас. А-а-а-а! Честно говоря, надо быть идиотом, чтобы к восемнадцати годам не определиться с этим хотя бы примерно. В совсем раннем детстве я знал, кем хочу стать, а потом вот как-то забыл.

Родители, не видя в своем ребенке никаких особенных дарований, зачихнули меня в колледж учиться на экономиста. Собственно разговор был недолгим:

– Хочешь быть врачом? Хотя, какой из тебя врач!

– Учителем?.. Да, ты всех детей поубиваешь!

- Электриком?.. Сопьешься, будут с тобой все пол-литрой расплачиваться.
- Экономист? А что такое экономист?

Никто бы меня, естественно, не взял в столь приличное заведение как колледж имени героя А. Г. Рогова без отцовых взяток, а на экзамене по математике седая преподавательница (ставя 4) раздраженно проскрежетала, что я тупой. И была абсолютно права, я, правда, тупой, особенно когда вижу цифры, а от формул у меня начинают слабо подрагивать руки. Сразу после поступления я озаботился тем, чтобы не вылететь оттуда после первой же сессии с моими условными знаниями школьной программы.

Заведение и впрямь оказалось приличным. Это выражалось в том, что в нем имелся штатный культработник, а руководство ценило и поощряло творческих студентов, выступающих на внутренних полукультурных мероприятиях. Поэтому первым делом я начал играть там на гитаре. И даже привлек к этому своего друга, у него неплохо получалось вокалировать. Постепенно я стал вхож в неформальные студенческие круги, а преподаватели начали удобрять мою творческую активность баллами. Через полгода, по итогам экзаменов мне даже платили стипендию. Счастливая как слива куратор группы вносила в аудиторию ведомость, где все получающие расписывались за свои семьдесят два рубля. Компакт-диск в то время стоил ровно семьдесят. Мне хватало и на диск и на троллейбус. Во время большой перемены мы отирались на остановке с одноклассником Ярославом, – тощие как Бивис и Бат-хед, показывали кривыми пальцами на неразборчиво написанные названия всяких пирожков в застекленном ларьке. Под одним из них было написано «бросил кто-то».

В роговском колледже я научился играть блюз, располагать к себе старших, произносить умные слова, знакомиться и расставаться с девушками.

Обучение закончилось так же внезапно, как и началось. Мне дали красивый синий диплом без единой тройки. Но вот что странно, диплом-то я получил, а со специальностью так и не определился. Это, как оказалось – не беда, поскольку после среднего образования принято получать высшее. И я, словно целое стадо баранов в одном лице, потащился его получать. Институт был выбран мной самолично, по принципу кратчайшего срока обучения. Почему-то мне казалось, что времени в моем распоряжении мало. Это теперь я знаю, что его вон сколько.., а тогда казалось, что мало. Ничего короче, чем 4 года найти не удалось. Абсурд в том, что, не зная какую специальность выбрать, я пошел снова учиться на экономиста.

В итоге, не представляю себе, что делают экономисты на работе. Ни хрена, наверное, они не делают. А иначе где продукты их деятельности? Сидят дробчат на отчетность. Терпеть не могу экономистов.

А вот жена у меня и экономистов может терпеть, и врачей, и преподавателей. Она и сама в поликлинике работает. Целых полтора года. У них там тайны всякие государственные, которые нельзя разглашать, она мне их все рассказывает, и мы вместе смеемся, а иногда плачем. Я вам их тоже расскажу, только немного погодя, – почему нет!?

А в Ванькина мы с ней не по работе приехали, а из-за ее гайморита. Есть у нас одна знакомая терапевт. Жена, когда заболела, ей первым делом позвонила. Как, – спрашивает, – лечить гайморит? А то в нашей поликлинике никто не знает. Та сразу начала говорить, что гайморит это очень страшно, и что ее дочь с этим даже в больнице лежала... Как лечить? – жена спрашивает. А она все – как это страшно, да как страшно. На том и попрощались. Думаю, если у нее на приеме кто-нибудь будет отдавать концы, она ему расскажет про какого-нибудь другого умирающего: «А вот-вот-вот, у меня когда-то похожий случай был...».

Я уже говорил, что работал в Москве, а кем не рассказал. Не велико упущение, – гастарбайтером я работал, провода в дырки засовывал. Жить поначалу пришлось, как и полагается гастарбайтеру, седьмым в однушке с тараканами в мойке. Русскому человеку не привыкать

к скромности в быту, по крайней мере, не переучиваться. Если в тюрьмах Родины сделать условия чуток получше, то для половины страны разница со свободой полностью нивелируется.

В отличие от остальных великих писателей, я не скрываю своего меркантилизма. Возможно, стыжусь, но не скрываю. Да, я хотел заработать столько, чтобы никогда больше не ходить на работу. Это желание вполне характеризует каждого первого и последнего, в кого ни ткнем мы грязным вонючим пальцем!

Ездил я по городу с бобинами проводов, кучей разъемов, переходников, модемов, тюнеров, роутеров и прочего говна. Компьютеры и телевизоры человечьи настраивал. Столовая – на заднем сиденье, туалет – на заднем сиденье, случился половой партнер – добро пожаловать на заднее сиденье, перерыв в работе, вечерняя или ночная заявка, можно поспать, – а вот это уже удобнее на переднем.

Москву по приезду я не знал совсем. Пошел стажироваться с тульскими ребятами, там их человек десять работало. Мне показали дорогу, по которой надо ехать на заявки, сказали:

– Это Ленинский проспект, на нем стоит памятник работы Церетели, его Колян к интернету подключал.

– Памятник подключал? – не врубаюсь я.

– Да какой, нахуй, памятник! – мужика, Церетели подключал. Он где-то там живет неподалеку.

– Колян? – не могу поверить я, – наш Колян?

– Ему везет на знаменитостей, он же «по Твери» работает.

– Как это? – снова не понимаю я.

– «Тверь» – район Москвы, Тверская, бульвары, Петровка 38, Садовое кольцо, центр.

– В Москве Садовое кольцо есть? – искренне удивляюсь я.

– Садовое, Якиманка, а еще Новый Арбат, где живет Наташа Королева, со своим Тарзаном. Колян их тоже подключал. Они пили кофе в лоджии и тащились на свой плакат, висящий через дорогу.

– Чё за такая Наташа Королева? – хочу спросить я, но только многозначительно киваю и задумываюсь.

Через неделю выматывающей стажировки решаю работать один. Нужны деньги. Первый день, и сразу облом – шесть заявок «на Твери», фаршированных дополнительными услугами. С горем пополам делаю две из них. Выхожу со второй, смотрю на часы – 10 вечера. Долго не могу найти, где развернуться на этом гребаном Садовом кольце. В итоге какой-то мужик показывает мне дорогу. Глубокой ночью приезжаю на квартиру. День кончился.

– Ну что, увольняешься? – испытующе спрашивает Колян – знаток человеческих судеб. Я, вымотанный как боксер, после заключительного раунда, отрицательно машу головой.

Я осваивался медленно. Все время чувствовал какую-то ломку, дискомфорт. Через полгода выучил основные дороги, маршруты, дворы, через которые можно объехать сложные места. Правда иногда все еще мог нырнуть в какую-нибудь развязку с Третьего кольца, пытаюсь наугад объехать пробку, но заблудиться и через час матерной ругани выехать в том же месте.

Вот я лечу по Севастопольскому проспекту. Ночную дорогу домой я знаю отлично. Но если окажусь тут днем, обязательно сверну не там или не туда. Мы снимаем квартиру в Бутово у наркоманки Риты. От табачного дыма в кухне тяжело разглядеть лицо собеседника. Я пришел в эту компанию последним и никаких отношений с хозяйкой не имею. Она ни разу не видела меня, а я не видел ее. Знаю только, что она наркоманка и ее зовут Рита. После новогодних праздников, кто-то из ребят, отвечающих за контакт с хозяйкой, то ли просрочил очередной платеж, то ли не заплатил вовсе. В итоге приехав однажды «домой», мы обнаружили, что наши ключи к замку не подходят. Квартира с потрохами личных вещей сдана новым жильцам. Рита отомстила нам. Но наказывая нас, она наказала и себя. Несчастливая случайно сдала

жиле милиционеру. Он замки и поменял. В воздухе повис общий вывод, – теперь хозяйка может забыть о своем хозяйстве. Мы оказались на улице под зимней луной. Через неделю ночевки в машине с заведенным мотором, из тульских ребят не уволились только четыре человека. Мы сняли приличную двушку в Марьиной Роще, и к своему удивлению начали жить по-человечески.

Деньги в то время я тратил, как и сейчас, исключительно на еду. Ибо не изобретена еще на свете вещь, стоящая того, чтобы устраиваться из-за нее на ненавистную работу. Ну, разве что обувь. Хотя и она, если подумать, того не стоит. Помню, как я в рваных ботинках работал. Дождь валил со снегом. Зябко, если не сказать, пиздец, как холодно. Я сначала надевал носки, потом бахилы, а сверху башмаки. Даже с девушкой однажды так ходил к ее родителям знакомиться. Вернее так, – пришлось идти знакомиться потому, что ноги околели.

Интересная конечно публика в Москве... Однажды захожу в квартиру к абоненту, а он сидит на полу и членом болтает. – Ну ладно, – говорю, – сейчас принесу инструменты и подключу вас. К кабельному...

В другой раз маньяка подключал. Пока я под столом искал нужные концы кабеля, он ткнул бабу в грудь тесаком. Но не пробил, а просто слегка порезал. Спокойно товарищи, – говорю, – сейчас я и вас подключу. К интернету...

Подключал мужика страшного как в фильме ужасов, с огромными линзами на глазах и жуткими, торчащими вперед зубами. Когда я нажал на звонок, из темноты квартиры сначала показались его вытянутые вперед руки, за ними выплыли линзы, зубы, волосы.

В квартире был только он и его юная дочь. Свежая и печальная, она смотрела на меня, а я на нее.

– Давайте я покажу вам, как интернетом пользоваться!

Девочка села на стул перед старым отцовским монитором, к которому была прикреплена петлей огромная лупа. Футболка ее слегка оттопырилась, и под ней показалась маленькая нежная грудь, розовый неуклюжий сосочек. Девочка была безмерно грустной, она знала, что я смотрю ей под майку, и позволяла мне это. В едва сдерживающих слезы глазах я прочел историю всей ее жизни: «Мама умерла, с отцом контакта нет, он добрый и любит меня, но больной и жалкий. Помогите мне!».

Я смотрел на нее, разрываясь от жалости. Что с ней будет?..

– Интернет подключать не нужно, после включения компьютера, он подключается сам, главное, чтобы на модеме успела загореться вот эта лампочка. Вы просто открываете браузер или, например, почтовый агент и работаете.

Девочка кивала, не произнося ни звука.

Я любил работать «на ярославке». Ярославское шоссе чем-то напоминает провинцию. Простая дорога, простые дома, простые люди, большинство из них снимают жилье.

Один раз, все в том же районе, я зашел к абонентке и начал подключать кабельное, точнее цифровое тв. Вдруг слышу:

– Хотите, я ваше будущее расскажу?

– Не хочу, – отвечаю, – и незаметно для себя начинаю разбрасывать провода еще небрежнее. И чтобы вы думали?! – эта манда начинает рассказывать мне будущее. Не один нормальный предсказатель, такого делать не будет против воли клиента (это когда же я успел к ней в клиенты записаться?). Правда в конце она меня успокоила:

– Носи, – говорит, – на безымянном пальце кольцо с надписью «спаси и сохрани».

И понял я, что это обыкновенная сумасшедшая. Так и вышло. Ничего не сбылось из ее ахинеи.

За пару месяцев до увольнения меня загнали ставить оборудование в подвалы Марьиной Рощи. Они оказались заселены блохами и незаконными мигрантами. Уж не знаю, кто из них счастливее.

Пригибаясь под бельевой веревкой, сновали испуганные люди в черном, с выцветшими как зубная щетка глазами. Наверное, я попал к ним перед обедом. Часто хлопала дверца холодильника, кто-то разворачивал на столе газету, а в дальнем углу согнувшаяся женщина делала хлюпающие движения в тазу со стиркой.

Крысиные блохи, на людях не живут, но скакать по волосатой ноге могут довольно долго. Черненькие такие.

– Почему ты еще не на заявке? – спрашивает диспетчер Елена.

– Потому, что по мне блохи прыгают, а в договоре ясно сказано, что монтажник должен обеспечивать безопасность во время монтажа. А если блохи на их ребенка переберутся?! У тебя блох нет, вот сама иди и подключай!

Как и любой другой специалист, каждый нормальный монтажник хоть раз да косячил по-крупному. Однажды я просверлил главный стояк с электропроводкой, дело было уже под ночь, часов в девять. В сети произошел скачок, и свет вдруг засиял вдвое ярче. С ближайших этажей набежали соседи, и начался базар. Допуская, что вот-вот со мной может произойти то же, что

сделалось с парфюмером в одноименном фильме, я быстро вписал в заявку еще один пункт, освобождающий меня от ответственности. Пока хозяева тупили, не понимая, что происходит, я вежливо заставил их расписаться: «Вот в этой строчке. Это за то, что я к вам приходил. Когда разберетесь с проводкой – оставите заявку повторно». Все необходимое – подлю.

Москва вообще принадлежит наглým, не смотря на то, что коренные жители (из тех, кого мне приходилось подключать) – простые приятные люди. Но город уже не их. Проворонили они свое счастье. Кар-р-р.

Зарплата у меня была не сильно большая – тысяч сорок. Я их кидал на счет и кое-как существовал на чаевые. Оказывается, имея сто рублей в день вполне можно не умереть. Пельмени, молоко, яйца, стейки из «Ашана», хлеб, кофе и полное отключение головы.

Сегодня я простудился и не работаю, Колян вернулся с выходных и мы сидим с ним в кухне на бобинах из-под кабеля. За окном висит, забытое кем-то после просушки небо, а в зале разговаривает сам с собой телевизор. Вчера я купил две книжки – Ницше и Фрейда. Листаю одну из них, Колян встал и варит себе пельмени.

«...сущность регресса в либидо – например, от генитальной до садистически-анальной фазы, – основывается на распаде первичных позывов и, наоборот: развитие от ранней к окончательной генитальной фазе имеет условием увеличение эротических компонентов».

Колян слил воду из кастрюли и перевалил свой ужин в здоровенную чашку. Получилось доверху и даже с небольшой горкой.

«...сущность регресса в либидо – например, от генитальной до садистически-анальной фазы, – основывается...» – или это уже было?..

Колян потряс перечницей над ароматной горой пельменей, полил их майонезом, со звоном перемешал и стал пожирать все это большущей ложкой, периодически прихлебывая стоящее рядом пиво.

«...Аналитическое исследование совсем недавно пришло к выводу, что при возникновении гомосексуальности, а также и десексуализированных сексуальных чувств, существуют сильные чувства соперничества, ведущие к агрессии, и только после преодоления их, ранее ненавидимое лицо делается лицом любимым».

Бросив взгляд на тарелку, вижу, что осталось всего несколько пельменей, и их число продолжает уменьшаться. Никогда не думал, что человеческое существо может сожрать столько.

Обыкновенно после всех заказов на квартиру я попадал на стыке вечера и ночи. Когда все съезжались, начинались истории.

– А меня сегодня из туалета вытащили, – рассказывает Бобр, – баба ворвалась и вытянула за куртку: «Дома сходите».

– А я, наоборот, – говорит Колян, – в туалет ходил в чужой квартире, номер перепутал. Хозяева где-то в дальней комнате были, я смыл, открываю дверь, а они стоят, – вы кто такой? – говорят, – сейчас милицию вызовем!

– А мне, – включается кто-то еще, – сегодня девка голая дверь открыла. Все оживляются и начинают мысленно соучаствовать. Пошла, как ни в чем не бывало, халатик накинула, сиськи сквозь него торчат, я стою, в мыслях дрочу уже.

После этих слов неистовство начинает раскачивать возбужденным хохотом панельные стены седьмого дома на Анненской улице. Я опускаюсь на матрац и отворачиваюсь к стене.

В шесть утра заскулят будильники. С невероятным усилием тела начнут подниматься, побредут в туалет, потом с кухни потянет бодрым запахом кофе, и минут через двадцать хлопнет входная дверь. Все начнется по новой – база, галдеж, ругань за заявки, очередь в кассу, толчея на складе и таскание коробок с оборудованием.

Учитывая, что на эту работу брали всех, штат представлял собой винегрет из нормальных ребят и отморожков. Иногда происходили драки. Как-то раз одному нормальному парню в очереди на кассу проломили голову. Остальные испуганно топтались перед окошком кассира по липкой кровице.

Спать поначалу хотелось постоянно, всегда. Останавливаюсь на светофоре, закрываю глаза, сквозь кожу век вижу красные фонари стоящих впереди автомобилей. На несколько секунд засыпаю, и тут же слышу, как впереди начали газовать, открываю глаза, – поехали! Через год или полтора желание спать сменилось желанием спать с кем-то.

Некоторые искали другие способы заработка. Из всех прочих помню Стаса, – высокий некрасивый парень. Он приторговывал курительными смесями. Предлагал мне стать его представителем в Туле.

– Главный фактор, – хвалился Стас, – абсолютный легалайз. Заказываешь не запрещенную пока еще у нас траву с разных стран почтой. Когда все посылки приходят, составляешь смесь, которая штырит, – как в свое время делал травник Филарет. Потом находишь клиента, желательно через знакомых, пересекаешься в людном месте, передаешь пакетик, получаешь деньги. – Стас достал дорогой мобильник и открыл на нем карту. – Хер знает, сколько денег жрет этот интернет, – вот здесь, смотри! Вот путевое место для передачек.

Я уставился в его телефон, осязая грань, через которую никогда не переступлю.

Не стал я его представителем, да ему и самому недолго оставалось гулять на свободе. Правда, к тому моменту как его посадили я уже уехал.

Так долго ждал я свою жену в последний раз, наверное, когда мы еще не были женаты. Эх, медицина... А, впрочем, мне ли не знать, – даже у самой худой поселковой клиники проблем в сто раз больше чем у любого доходяги-пациента. Бюджет выделяют, – только за это надо тянуть план по заболеваемости, больных сочинять по девять человек на одного «надеющегося на чудо», на приемы их всех отправлять, уколами колоть и прививками прививать. Над этим целые отделы работают. Видели как в НИИ? Работы хватает. Только реальные пациенты отвлекают, сволочи, работать не дают. То у них живот заболит, то поясница. А вообще, наша медицина самая лучшая и впереди науки всей. На белом, извиняюсь за выражение, коне. Пока философия топталась между виртуальным сознанием и материей, в медицине этот выбор сделался сам собой.

Прекрасно покидать старое место. Когда с работы увольняют, и ты становишься свободным. Я б хоть каждый день увольнялся, было бы откуда. Но из Москвы я не уволился, а убежал. – Поставили нам начальником какого-то прапора назойливого. И как отрезало. Позвонил, сказал, что болею, дождался зарплаты, собрал две свои сумки, выключил телефон и уехал. Кучу служебного барахла увез с собой, а куда его было девать из багажника? Бригадир, правда, у нас был там нормальный человек, один из всех. Спокойный такой, без выкрутасов. Месяца через два позвонил ему:

– Как – говорю, – мне оборудование ваше отдать?

– Да пес его знает как, – отвечает холодно, как предателю, – это сложно все, склады, приемка, выписка.

Ну и хуй с вами, – выбросил потом все это на свалку.

В здоровом обществе вообще не должно быть понятия «работа за деньги». Работать надо на пользу своей личности, чтоб она крепла, росла над собой, а когда вырастет, – можно уже и на пользу обществу, чтоб и оно не отставало.

Вот по тротуару идут дети лет пяти. Много их. Человек двадцать, воспитатель с ними или даже два воспитателя, а дети за руки держатся. Мальчики и девочки. Что-то происходит в организме, когда видишь детей. Особенно в таком количестве. Плакать хочется, они какие-то жалкие. Хотя умом понимаешь, что это взрослые жалкие, а дети – прекрасные, почти совершенные, потому что не задавлены еще красными шеями своих толстолицых пап. И как только получается из таких прекрасных существ вот это...?

Корень моей нелюбви к взрослым уходит тоже в детство. – На машинке я катался. Бывают такие машинки, которые в парках на прокат дают. Дорожки, столики какие-то, травка, голоса, ноги кругом. Катаюсь, катаюсь, и вдруг останавливает меня какой-то мужик, может работник аттракционов или еще кто, и говорит так строго:

– А почему у тебя на машине фары не горят? Они с самого начала не горели?

Что я ему отвечу, немой, маленький, напуганный, ничей, – ну не горят и не горят, я откуда знаю, что они должны гореть! А он как-то деловито и так раздраженно говорит, что надо кого-то там оштрафовать или что-то наподобие, я толком не понял, а он ушел. Ушел и забрал с собой все мое детство. Подъехал я к родителям, – не хочу больше кататься. И больше не катался. Никогда. Мелочь вроде бы, а на всю жизнь комплекс вины за не горящие лампочки...

Хороший человек – это, прежде всего, хороший педагог. Чем лучше ты педагог, тем лучше ты человек. Педагог, он всегда ведущий. Он сердцем ведет, не головой, точнее и головой тоже «подруливает», но тех, которые с головой, на Родине много, а вот с сердцем – практически нет.

Существует стереотип мудреца-учителя. Это какой-то седой мужик бородатый, как апостол. На самом деле, физически одряхшее тело – это, почти наверняка, показатель большого маразма, а не большей духовности. Прискорбно, что в учебные заведения преподавателей до сих пор принимают на основании диплома. Вот стану ректором – всем вам хана, ребята! Лучше сразу увольтесь!

Хорошего преподавателя распознать легко. Он смешной, пухленький, энергичный и глаза добрые. Знания – вторичны.

Я когда на свою последнюю работу устраивался, у меня будущий начальник подразделения даже не спрашивал ничего.

– По глазам – говорит, – вижу, что нормальный, подходишь.

Правда работа там была снова провода в дырки совать. А на другие должности меня никогда и не брали! Опыта нет. А откуда ему появиться, когда все отказывают? Продавать бытовую технику – не брали. Продавцом телефонов тоже не смог устроиться, директор оказался хитрее меня, спросил:

– А какая у тебя самого модель телефона, а?

И тут я понял, что не подхожу. Модель моего телефона называлась «Просто чтоб позвонить». Я вообще-то больше сам люблю выпендриваться, чем через вещи. Обычным банковским мальчиком на побегушках меня не приняли тоже. Для убедительности я наврал, что имею опыт работы по специальности, правда, не смог внятно объяснить, что конкретно делал. Даже удочки меня продавать не взяли, потому что на собеседовании выяснилось, что и у них тоже есть модели!

– Ну и хер с вами и с вашими удочками, чтоб вам разориться. Что же это за блядский мир! – возопил я в конце концов. И пошел снова тянуть провода.

Лето бывает холодным, бывает жарким, но всегда оно волнительно долгожданное. Лето – как первый секс. Сейчас лето холодное, но это не важно. Денег у меня пятьсот рублей осталось, но зато есть лето, и оно вселяет надежду, не знаю пока на что. Может на счастье...

Первый секс у меня был в девятнадцать лет. Еврейскую девочку звали Суламита, ей-богу, не вру.

– Побожись, – сказал мне как-то один насупленный мусульманин.

– Божусь, – ответил я со всей серьезностью.

Так вот у нее были жидкие светлые волосы, круглая попка, мягкий животик и чуть более чем невероятный бюст. Мы стояли с ней на дорожке за домом. И смотрели друг на друга.

– Какая красивая, – думал я, – даже лучше, чем то пианино в детском саду.

Она провела рукой по моему лицу, по носу, по волосам. Ее глаза даже не говорили, они транслировали нежность и восхищение.

– Я тебя люблю! – неожиданно произнесла она.

У меня побежали мурашки от восторга. Никогда не испытывал даже тень чего-то подобного.

Нравилось ей, когда я ей пальцы в п... засовывал. А я наслаждался от перемены в ее лице, ибо в этот момент в голой человеческой единице, вспыхивала женская природа, она делалась замедленной, млеющей, не скованной цепями приличий, настоящей, красивой... безумно красивой.

Меня она выбрала за... гормоны, наверное... Когда наши надменные взгляды впервые скрестились на концерте, где мы играли, я почувствовал в ней некое родство. Уже через месяц после этого мы связали себя тем, что выше клятв и сильнее обещаний. Когда мы добирались до какого-нибудь укромного места, расстегивался строгий офисный костюм, а под ним... а под ним, ребята... Однажды мы с ней в книжном магазине трахались. Ремонт там был, и ширмочка по этому поводу стояла. Покупатели топтались и шелестели страницами Гессе, Сартра, Мураками, Скотта Фицджеральда, а за этой ширмой в абсолютной тишине – мы. Так зарождалась моя любовь к литературе. Сейчас этого книжного больше нет. Вместо него гастроном. Это место прямо за моей спиной. Любовь кончается, когда время стирает последние воспоминания о счастье. А может, и не было у нас никакого счастья.

Зато была частично невысказанная обида. Практически с самого начала отношений, выяснилось, что наличествовал у самки моей парень, бедный художник. Долго и мучительно встречался я с его Суламитой. Расставались, потом снова сходились, с соплями, кошачьими воплями и оргазмическими содроганиями. Связь какая-то существовала, может, из прошлых жизней. При желании все, что угодно, можно спихнуть на прошлые жизни. И не важно, были

они у тебя или нет. Как, почему убил? – В прошлой жизни же она меня убила! Грохнула сволочь такая.

Стыдно мне до тридцати с гаком дотянуть и никаких наркотиков не попробовать. Даже марихуаны не покурил. Упустил я свое время, упустил. Когда надо было учиться, я почему-то был уверен, что и так все знаю, когда пришла пора профессию выбирать, я учиться начал, когда неплохо бы уже и работать, я понял, какую на самом деле профессию хочу. Пиздец.

Из-за решетки низко плывущих туч периодически выглядывает солнце. Ну что может быть пошлее, в самом деле! И люди. Нельзя даже сказать, что они идут. Просто их поток течет по тротуару в обе стороны. Он размывает все уникальное и необычное, попадающее случайно в его струю, навязывает всему свой ритм, свою скорость. Со временем золото, упавшее в него, становится серебром, потом бронзой и продолжает мимикрировать до тех пор, пока не превратится в говно. Хочешь быть собой – не ходи там, где ходят другие.

Наконец-то моя жена вернулась от врача, и мы едем домой. Пересекаем трамвайные пути, проезжаем девятый дом, где живут богатые абоненты. Немного стоим на светофоре и поворачиваем на проспект. Дом шестьдесят три, – там невозможно провести монтаж без стремянки. А через перекресток, с правой стороны начинаются так называемые курятники – пятиэтажки с чердаками, заваленными кучами голубинового дерьма и дохлыми птицами. В дорогих домах в центре любого города бывают квартиры и люди двух типов. Квартиры – либо темные угрюмые коммуналки невообразимых размеров, либо дворцы. В коммуналках живут самые приятные и порядочные люди, назовем их условно интеллигенция. Не путать коммуналку в центре с коммуналками вообще, в которых живут тараканы. Ну а во дворцах обитают люди, которых вообще лучше ни к чему не подключать. Слить заявку любым способом, вплоть до того, что перерезать собственную сеть и сослаться на неисправность.

Обычный городской дискомфорт, трехрядное типовое движение по типовой главной улице, типового имени Ленина. Типа живем. А может и нет ничего страшного в «типовом». Люди они тоже ведь – типовые. Когда любишь человека, любишь не конкретную Свету или Аню, а просто-напросто данный тип.

Я никогда не называю жену по имени, да и остальных людей тоже. Или делаю это вскользь и через силу. Мне кажется, что все ненавидят свои имена также как я. Не хочу причинять им боль.

Иметь имя есть смысл только тогда, когда есть кто-то, кто может тебя позвать. (На помощь?)

Я уже говорил, что нигде не работаю. Но иногда, все же, получается заработать несколько денег. Правда это происходит не системно, никогда не знаешь, как и когда это случится. В последний раз мне помог Колян, тот самый, который проводил интернет Церетели и какой-то там Наташе Королевой. Колян – классический авантюрист. Сейчас у него своя фирма в Туле, которая зарабатывает на подрядах интернет-провайдеров. Что не мешает ему попутно работать монтажником в конкурирующей фирме. Мы условились встретиться около девяти утра, точнее, я к нему в это время зашел и сразу услышал, – заходи, наливай сам чай?

– Нет, – отвечаю, я только из дома, позавтракал.

– Не еби мозги! Вот чашка, вот вода, пей!

После чаепития мы таскаем железные ящики. Проще говоря – металлолом. Ящики эти остались у него от реконструкции старой кабельной сети. Очень тяжелые, со сдвижной крышкой, открывающейся вниз, среди монтажников именованной гильотиной. И не зря, – уста-

навливались они в пятиэтажных домах в «грибке» над люком последнего этажа. Там хранилось раздаточное кабельное оборудование. Соответственно когда монтажник отстегивал замок этого ящика, крышка от него освобождалась и под собственным весом летела вниз. Не дай бог в этот момент выйти кому-нибудь из квартиры, находящейся под люком, – монтажник почти наверняка бы отвлекся и не удержал тяжелую острую крышку. Последствия могли оказаться непредсказуемыми. Уж не знаю зачем эти ящики демонтировали, может впрямь кого угандошило гильотиной. Кроме того таскаем мы и другие ящики, в несколько раз тяжелее и больше по размеру, устанавливались они бригадой не менее трех человек и назывались коротко и емко – смерть. Вот вам и интернет, русский бизнес. Обо всем этом мы разговариваем, пока загружаем эту тяжесть в «газель». Потом возем, на базу где трактора сгребают в огромные кучи старые сейфы, холодильники, обломки труб, кузова советских автомобилей. Страшные лапы манипуляторов хватают уже мертвые, обезличенные куски железа, а мощный пресс превращает огрызок чьей-то любимой когда-то ласточки в брикет.

Воздух наполнен кислым запахом ржавчины. В очереди перед нами цыгане. Но не те, что шумною толпой тусуют по Бессарабии, а бедные мужиковатые бабы в кожаных куртках поверх пестрых халатов с вкраплениями там и сям золотого. Они прикатили тележку, сделанную из детской коляски. Оттуда торчат ржавые железки, мятые алюминиевые кастрюли, обод велосипедного колеса. Они сидят на корточках, сплевывая в сторону семковую шелуху и каркают на своем наречии. Интересно, о чем это...

Вероятно первая говорит:

– Зурало, давно хотела Вас спросить, как Вам кажется, почему торт Наполеон есть, а торта Гитлер нет?

Подруга расправляет малиновый подол, пытаюсь встать с корячек, пошатывается, но удерживает равновесие. На минуту ее глаза покрывает пелена задумчивости. Наконец, женщина многозначительно произносит:

– Канцелярский сейф весит втрое больше, чем швейная машинка...

Тогда первая снова недоумевает:

– Вы не припомните, откуда эти строки:

«Не прах земной и не металл двусплавный,

А честь, любовь и мудрость он вкусит»?

– Не топать по весам! – визжит сухопарая приемщица, – у вас что? Ручная кладь?.. Отойдите в сторону!

Наконец-то и наша очередь, взвешивают машину, показывают место, куда все скинуть. Колян такой же худой как я, но выше ростом и руки у него длиннее. Он не выглядит крепышом, однако его ящики летят в два раза дальше, чем мои. Наверное, это нормально для мужчин, быть сильными физически. Я как девушка или ребенок, спина моя отваливается от тяжести этого лома. Хочется лечь и умереть. Товарищ показывает пальцем в сторону, он увидел какую-то стиральную машинку и захотел ее.

– А нахрена она тебе? – не понимаю я.

Колян в три орангутангских прыжка подскочил к ней, встал на колено, открыл дверцу и покрутил барабан. – Подшипники целы! – Современная техника, – говорит он, обрадованный новой авантюре – у меня такая же на одной из квартир. Я ее отремонтирую, и будет работать.

С позволения персонала, мы загружаем стиралку в кузов. Повторный заезд на весы и в кассу получать легкие деньги. Зачем в этой схеме нужен я? – Водительских прав потому что нет у Коляна. Зато есть «газель», старый «форд», по двери вросший в землю и какой-то там «ГАЗ 69», выполняющий роль детской игрушки. Ездить на всех этих машинах хозяин не умеет и никогда не умел. Но главное, что у него есть славные железные ящики. К тому же товарищ знает, что у меня хреново с деньгами. Я ему об этом сказал.

Воистину, есть на свете хорошие люди. Я вот тоже хочу быть хорошим. Хотя бы как Колян или кто-нибудь там еще, кто угодно. Чтобы кому-то удружить, мне почти всегда приходится стискивать челюсти. Убью себя когда-нибудь за это.

Благо, что меня не отдали учиться на преподавателя. Учиться учить других учиться. Но в этом и есть парадокс. Стать преподавателем – моя мечта; цель, которую я планирую достигнуть к концу жизни. Надеюсь, что этот конец не завтра.

Последние семь лет я не пытаюсь устроиться работать. Все это время я зарабатывал самыми разными способами: торговлей металлом, перевозками грузов, риэлторством и прочим посредничеством, порой рискуя всем, чтобы получить что-то. В итоге, как и положено не осталось ничего. Бизнес – это риск. Но не риск потерять деньги, это риск потерять себя. Он съедает посевы и выжигает поля.

Все же в последнее время я иногда просматриваю предложения с рынка рабов – ищу места, где было бы не противно попроволить время. К примеру, библиотека, – ...прихожу на работу часам к десяти-одиннадцати (а что туда спешить, все равно в библиотеки давно никто не ходит), откапываю в стеллажах Ремарка, сажусь за старый деревянный стол, закидываю ноги на стопку «черных» детективов и... – инфляция, безработица, деньги только на алкоголь, одежда, взятая у друзей, упоение отчаянием... Как, уже конец рабочего дня? Почему он всегда так быстро пролетает!?

Как давно я уже не напивался, лет, наверное, десять. Не напивался, не нажирался и не киял тоже.

Приезжаю я в последний раз на реку, где товарищи отдыхают. – Ночь, дороги по полю почти не видно, трава кругом выше пояса, костры горят, сверчки орут, как миксер, а у самого берега плещутся огромные рыбы. Жена друга рада, целует меня, давно не виделись, все приветливы, ящик пива в чем-то багажнике, а я смотрю на все это и не пью. Хоть ты что со мной делай, не пью. Перерос. Эволюционировал. Все скучные пьют, чтобы не скучать в совместном одиночестве. Да и вообще себя боятся. Кто знает, что простой человек может по трезвянке выкинуть!? А по пьяни – совсем другое дело, так ведь оно завсегда есть, чем себя оправдать...

Зря родители опасались, надо было отдавать меня на электрика.

– Отдайте меня хоть куда-нибудь, только чтобы не видеть вас! Отдайте меня в рабство на плантации, где не буду я отличать день от ночи, отдайте дурному человеку, сделайте евнухом в гареме его величества, только не отдавайте меня учиться на экономиста.

Листал я намеренно школьный учебник по географии. Бумага серая папиросная. Города, страны, картинки, графики. Неужели на земле так много разных мест, где живут люди? Только не получается выбрать из всего многообразия что-нибудь для себя: в Бразилии – футболисты, в Японии руки бреют, в Нью-Йорке – улицы параллельно, в Норвегии русскому одиноко, в Африке голодные дикари бегают друг за другом с мачете, в Англию только на БМВ с гарнитурой в ухе пускают, в Италии – туристы всю пиццу съели, в Таиланде водку делают из живых змей, про Аргентину вообще молчу.

После всех этих книжек понимаешь что, тут еще ничего, в сравнении с остальными! Даже не просто ничего, а хорошо. Практически коммунизм. Еще чуть-чуть, и жить вообще будет незачем.

Приготовления к отъезду

Первое Правило Пути:

По Дороге идут при полном свете дня, которым Путь освещают Те, Кто знает и ведет. Ничто не может быть сокрыто и на каждом повороте человек должен столкнуться с самим собой.

- Сладкие ягоды летом растут, да?
- Возьми вон ту большую. Еще сорвать?
- Зимой таких не бывает, зимой вообще ничего не растет кроме сугробов, да?
- Осенью?
- Что растет осенью?
- Ты, я, мама...

Они приходят словно ниоткуда – желтые листья. За полем их особенно много. Там, где кленовая аллея. Если пройти немного вглубь, то можно увидеть яблони.

- Что тут необыкновенного, яблони растут у нас в каждом огороде?
- В огороде, может, и растут, а вот на воле...

Не страшно ли им на воле? Я не знаю.

Скоро мы уедем отсюда навсегда. Скоро.

Я заходил в огромное количество человеческих жилищ.

- Кто там?
- Монтажник,
- Проходите.

По голосу в домофоне не всегда понятно, что тебя ожидает. Более того, иногда, что тебя ожидает, понимаешь только, когда настает время расчета. В большинстве же своем обитатели домофонных кнопок так же типичны, как тупики панельных техэтажей.

Вы никогда не ходили по техэтажу? Так и быть, – поднимайтесь за Мастером по лестнице! Слева еще одна лестница – на крышу, прямо – техэтаж. Квадратная, тяжелая дверь давно сорвана, валяется на полу, пригнитесь и шагайте в темноту. Если не хотите проломить лоб, лучше ходите как Мастер – на полусогнутых. Лучше светить под ноги телефоном. Если походите так несколько лет, перестанете замечать мусор. Не бойтесь встретить тут бомжа или наркомана, мусор возникает сам собой. Материализуется. Если идти прямо – попадете в следующий подъезд. Повернем налево! почувствуете запах из вытяжек? А Мастер чувствует! Видите огромное корыто под шахтой и висящие над ним провода? Провода расходятся по крышам в другие подъезды, а корыто предназначено для осадков, и еще это нужник Мастера. Идемте дальше. Направо тупик, налево проход в предыдущий подъезд, с тем же запахом, и таким же корытом. А хотите сами стать Мастером?

Откуда вообще появляется рабочее место? На Родине оно появляется от потребности людей иметь все типовое: маленькую темную прихожую трехкомнатной квартиры, низкий натяжной потолок, массивную входную дверь, перевернутые фонтанчики светильников, справа кухня, где смотрит телевизор измученная женщина, прямо приоткрытая дверь ванной, где моет голову ее дочь, муж на работе, куда ему еще деться!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.